
Кандидат филологических наук

С. М. Петров

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЗМА В МИРОВОЗЗРЕНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Характеризуя одну из важнейших особенностей умственного движения своего времени, Белинский писал: «Век наш — по преимуществу исторический век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии».¹

Начало XIX столетия ознаменовалось бурным ростом национально-исторического самосознания народов. Огромные события, происшедшие на рубеже XVIII и XIX вв., связанные с ломкой феодального порядка, повлекли за собой большие социальные и политические сдвиги в жизни народов Европы, втянули в водоворот истории миллионы людей, участников и свидетелей грандиозных общественных потрясений. История вторглась в частную жизнь человека и многие стали понимать, что их жизнь зависит от общих событий в истории отечества и во всемирной истории.

Интерес к историческим вопросам был тесно связан и с развитием национально-освободительного движения, охватившего Россию и ряд стран Западной Европы. Могучим фактором подъема общеевропейского национально-освободительного движения явился подвиг русского народа, разгромившего полчища Наполеона и освободившего Европу от его владычества.

Понятно, что развитие исторической мысли, в частности проблемы философии истории, выдвигаются на одно из первых мест в идейной жизни первых десятилетий XIX столетия. «Такой век, как наш, обильный всякими событиями и потрясениями, должен был породить совершенно новый дух исторического развития», — замечает французский журнал «Универсальная библиотека».

¹ В. Г. Белинский. Собр. соч., т. XII, стр. 332.

Еще в 1829 г. Иван Киреевский, делая обзор русской литературы, подчеркнул в качестве характерной черты своего времени «у в а ж е н и е к д е й с т в и т е л ь н о с т и, составляющее средоточие той степени умственного развития, на которой теперь остановилось просвещение Европы и которое обнаруживается историческим направлением всех отраслей человеческого бытия и духа».

«История,— писал он,— в наше время есть центр всех познаний, наука наук, единственное условие всякого развития; направление историческое обнимает в с е».¹

Бурный рост национально-исторического самосознания характеризовал и русскую общественную жизнь эпохи, начавшейся 1812 годом. Историзм был характерен для революционно-патриотической идеологии декабристов. В героических страницах национального русского прошлого декабристы искали обоснование своей борьбы с феодально-крепостническим строем.

После 14 декабря 1825 г. интерес к вопросам истории, к проблемам исторического развития России еще более возрос. Поражение декабристов с большой остротой поставило перед мыслящими людьми русского общества проблему исторических судеб России в прошлом и перспектив ее дальнейшего исторического развития. Полевой, Киреевский, Чаадаев уже в конце 20-х годов обсуждают вопросы философии истории, стремятся создать концепции русского и всемирного исторического процесса.

Интерес к истории по своему содержанию имел, разумеется, различный политический характер и смысл. Реакционные дворянские круги, обращаясь к истории, пытались утвердить и обосновать при ее помощи господство феодально-крепостнического строя. С другой стороны, интерес к истории отражал неудовлетворенность русской крепостнической действительностью передовой дворянской интеллигенции, молодежи, искавшей пути прогрессивного развития страны. Часто героические страницы исторического прошлого противопоставлялись мрачной, отсталой русской действительности последекабрьской поры.

Вполне понятно, что Пушкин не мог не оказаться одним из идейных центров этого всеобщего интереса к истории. Интерес Пушкина обуславливался, прежде всего, глубоким пониманием необходимости разрешить те политические вопросы, которые ставила русская и западноевропейская жизнь начала XIX в.

В частности, со всей остротой возникла перед поэтом проблема своеобразия исторического развития России, ее отношений к Западу, и мысль Пушкина во многом поставила те вопросы, которые стали потом предметом споров западников и славянофилов. Из бурных исторических потрясений своей эпохи наиболее глубокие философско-исторические выводы сделал после 14 декабря именно Пушкин.

¹ И. В. Киреевский. Обзорение русской словесности за 1829 г. Полн. собр. соч., т. II, М., 1914, стр. 18—19. — Разрядка Киреевского.

В советском пушкиноведении давно признана важность проблемы историзма мировоззрения и творчества Пушкина. Невозможно правильное освещение идейно-политической эволюции Пушкина без выяснения особенностей его исторического мировоззрения, его философско-исторических взглядов, его концепций всемирного и русского исторических процессов. Не меньшее значение освещение вопроса об историзме Пушкина имеет и для понимания особенностей пушкинского реализма, его творческого метода.

Художественные произведения великого поэта, проникнутые глубоким историзмом, являются, как это правильно заметил Горький, верной и яркой иллюстрацией к русской истории. Если рассмотреть одно за другим такие произведения Пушкина, как «Арап Петра Великого», «Капитанская дочка», «Дубровский», «Рославлев», «Евгений Онегин», «Роман в письмах», если эти произведения прокомментировать многочисленными историческими заметками и высказываниями Пушкина, то возникнет грандиозная, поражающая и сейчас глубиной и верностью мысли, картина исторического развития русского общества от Петра I до 1812 г., до движения декабристов и дальше до середины 30-х годов XIX в. В то же время работ, выясняющих особенности исторического мировоззрения Пушкина, немного, и они главным образом касаются взглядов Пушкина на историческое развитие допетровской Руси (работы акад. Грекова, проф. Юшкова и др.).

Что касается философско-исторических взглядов Пушкина, составляющих главную тему моего доклада, то в этой области еще и сейчас можно найти остатки буржуазно-либеральной (восходящей к работам Энгельгардта, отчасти Сакулина и др.) фальсификации мировоззрения поэта. Можно напомнить, например, утверждения о том, что историзм противопоставляется в сознании Пушкина, начиная с середины 1820-х годов, революционной смелости декабристов, что Пушкин в своем понимании исторического процесса был якобы чистейшим объективистом и т. п.

В одной из своих работ «Пушкин и Радищев» акад. П. Н. Сакулин настойчиво доказывал, что исторические события 1820-х годов, катастрофа 14 декабря привели Пушкина к отказу от идей просвещения и направили мысль поэта в сторону философско-исторических концепций немецкого идеализма (Гердер, Шеллинг). Такое освещение вопроса было естественным для П. Н. Сакулина с его преклонением перед романтическим идеализмом. Однако оно совершенно не соответствовало действительному развитию пушкинской мысли. Бесспорно, что рационалистическая точка зрения на историю, свойственная просветителям XVIII в., непонимание ими национально-исторического принципа были решительно отвергнуты Пушкиным, но он полностью сохранил враждебное отношение просветителей к идеалистическим концепциям, столь пышно расцветшим после французской буржуазной революции, как проявление аристократической на нее реакции. Как известно, идеалистическая метафизика, царившая на страницах «Московского вестника», была одной из причин охлаждения Пушкина к журналу-

Поэт видел одну из заслуг Вольтера в том, что он впервые внес «светильники философии в темные архивы истории»,¹ отдавая этим дань деятелю века просвещения. Заметим здесь, что философский подход к историческому процессу Пушкин считал обязательным для историка. «История требует мысли», — писал Пушкин.

Ни в малой степени Пушкин не разделяли того недоверия к силе разума, точного и ясного познания, которое охватило многих представителей западноевропейской философской мысли начала XIX в. Все положительное, что было свойственно просветительству, Пушкин сохраняет. В своей знаменитой «Вакхической песне» он провозглашает неизбежность торжества разума над ложной мудростью, проявлением которой были в глазах поэта идеализм и мистика.

Философско-исторические взгляды Пушкина отчасти развивались в русле передовой западноевропейской исторической мысли его времени, но во многом опережали ее и глубже проникали в закономерности действительности. Это было отражением исторического развития России и той остроты социальных и политических противоречий, которые характеризуют эпоху поэта. В самом деле, мыслью, которая должна была особенно мучить Пушкина при изучении русской истории, была мысль о причинах, в силу которых Россия, сыгравшая столь значительную роль в исторических судьбах человечества, и в эпоху нашествия монголов, и в период столкновения России и Швеции, и, наконец, в особенности, в разгроме Наполеона, когда русские люди своею «кровью искупили Европы вольность, честь и мир»,² — так долго сама оставалась отсталой крепостнической страной.

Обостряли историческую мысль Пушкина и события внутренней политической жизни России его времени. В своих заметках 1822 г. Пушкин стремится исторически обосновать политическую программу своих друзей-декабристов. Он энергично развивает идею о том, что Россия, вступившая со времен Петра I на путь просвещения, неминуемым следствием которого должна явиться политическая свобода, находится накануне ликвидации феодально-крепостнического строя. Пушкин в этих заметках констатирует «твердое мирное единодушие» всех состояний «противу общего зла»,³ т. е. крепостного права, и высказывает уверенность в близком торжестве свободы.

Но прошло всего три года, и этим надеждам поэта жизнь нанесла страшный удар. Пушкин был прав, считая, что в своих требованиях ликвидации крепостного права и самодержавия декабристы действительно выражали не только стремление широких масс народа, но также и объективный ход исторического развития, потребность нации в коренной перемене социально-политических условий ее жизни. Но декабристы погибли, почти

¹ А. С. Пушкин. Соч., Письма, т. X, стр. 95.

² А. С. Пушкин. Клеветникам России. Соч., т. III, стр. 223.

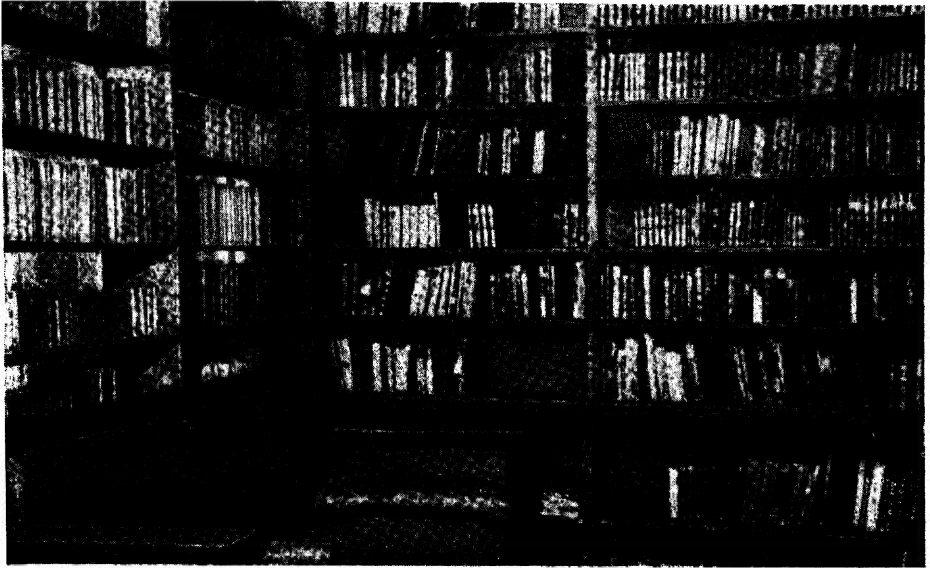
³ А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века. Соч., т. VIII, стр. 423.

ником не поддержанные, и этот факт вступал в явное противоречие с пушкинской исторической концепцией 1822 г. Невозможно было определять ни путей дальнейшего развития России, ни свою собственную политическую позицию, не поняв и не объяснив этого противоречия. Или следовало признать, что оценка настроения «всех состояний» была ошибочной, или искать причину катастрофы во внутреннем содержании и связях движения декабристов. В Записке о воспитании, составленной в 1826 г., Пушкин объяснял неудачу восстания 14 декабря недостаточной подготовкой к выступлению и силой правительства. Но, конечно, такое решение вопроса не могло полностью удовлетворить и самого Пушкина.

Еще до декабрьских событий Отечественная война 1812 г., а также опыт национально-освободительного движения в странах Западной Европы обратили Пушкина к мысли о народе, как решающей силе в историческом процессе. Однако, трактуя в трагедии «Борис Годунов» народ как могучую силу, всегда склонную к мятежам, Пушкин в дальнейшем неизбежно должен был столкнуться с вопросом о том, почему же эта мятежная сила, столь дружно вставшая на защиту Родины в 1812 г., давшая свободу другим народам, не поддержала восстание декабристов, не освободила себя, почему две исторические силы — народ и передовая дворянская интеллигенция, воодушевленные общим стремлением к уничтожению крепостного права, — не могли объединиться и осуществить тот идеал, ту программу, которая диктовалась всем предыдущим историческим развитием России и ее национальными потребностями. Это был чисто русский вопрос, отразивший особенности и противоречия дворянского периода русского освободительного движения.

Одна из особенностей обстановки состояла в том, что в России идеологи и организаторы борьбы с феодально-крепостническим порядком находились внутри дворянства, являлись, по словам Ленина, его «ничтожным меньшинством», боровшимся с крепостническим большинством. И эта классовая нечеткость политической борьбы, в России 20-х годов не могла не осложнить раздумий Пушкина над русской историей. По мнению поэта, передовое дворянство выражало стремление всех состояний, то-есть народа. Вот почему к размышлениям Пушкина о судьбах России всегда присоединялись его мысли о судьбах дворянства и главным образом о судьбах того ничтожного вольнолюбивого меньшинства, к которому принадлежал он сам и представители которого в эту пору действительно являлись, как указывает Ленин «лучшими людьми», разбудившими народ.

Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняет, почему Пушкин, как на это указал еще Белинский, стоял на позициях помещичьего класса. Отказаться от этого классового принципа — значило признать, что *все* дворянство полностью сыграло свою историческую роль, что оно целиком не является прогрессивной силой, а это в глазах Пушкина не соответствовало исторической действительности, характеризовавшейся восстанием против самодержавия революционеров, вышедших из дворянской среды.

КВАРТИРА-МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В ЛЕНИНГРАДЕ. БИБЛИОТЕКА В КАБИНЕТЕ ПОЭТА. СПЕВА — ДИВАН, НА КОТОРОМ УМЕР ПУШКИН.

Я остановился на этом вопросе потому, что, как мне кажется, именно сложность политической обстановки настойчиво обращала мысль Пушкина к определению своеобразия русского исторического процесса и путей дальнейшего развития России. Пушкин твердо знал, что «одна только история народа может объяснить истинные требования онога».¹ Стало быть, история народа интересовала Пушкина не столько как предмет искусства и поэзии и тем более не являлась для поэта средством ухода от действительности в «чистую» науку. Постоянный интерес к истории был проявлением его активного вмешательства в жизнь, история была одним из средств разрешения тех противоречий, которые вставали перед Пушкиным как гражданином и патриотом.

Патриотизм Пушкина, выраженный также и мыслью о том, что «гордиться славой своих предков не только можно, но и должно»,² всегда сочетался со свободолюбием, сочетался с надеждами поэта на освобождение русского народа от ига деспотизма и рабства.

Одну из заслуг Ломоносова Пушкин видел в том, что он «первый углубляется в историю отечества».³ Внимание к историческому прошлому было в глазах Пушкина признаком здоровья нации, залогом ее великого

¹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений Георгия Конисского. Соч., т. VII, стр. 335

² А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 58.

³ Там же. О предисловии г-на Лемонте..., стр. 28.

будущего. «Греки в самом своем унижении, — писал поэт, — помнили славное происхождение свое, и тем самым уже были достойны своего освобождения».¹

Отсутствие интереса к национальной истории Пушкин рассматривал как полное равнодушие к судьбам родины или проявление, как он говорил, «дикости, подлости и невежества».² С презрением писал Пушкин о большинстве дворян: «Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке».³

Одним из самых основных положений пушкинской философии истории является идея, что национальная история каждого народа — часть всемирной истории. Проблемы исторического развития России всегда осмысливались Пушкиным во всемирно-историческом аспекте. Так, время Петра I он сопоставляет с Францией времен регентства, движение декабристов, чьим первым историком он сам был, Пушкин связывает с национально-освободительным движением в Европе и т. д.

Пушкин всегда был чужд популярной тогда в реакционных кругах Запада концепции немецкой идеалистической философии об исторических и неисторических нациях. Когда Чаадаев, пришедший в отчаяние от казавшегося ему незыблемым царства жандармов и помещиков-крепостников, противопоставил Западную Европу с ее историей историческому прошлому России с ее якобы неподвижностью и отсутствием великих достижений, Пушкин энергично запротестовал: «...клянусь честью, — страстно писал он другу своей юности, — что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков...»⁴

Заметим кстати, что Пушкин решительно отверг космополитическую идею Чаадаева о положительном значении католической церкви в ходе мировой истории. По вопросу о влиянии католической церкви на жизнь Западной Европы Пушкин еще в 1822 г. писал, что оно было «пагубно в землях римско-католических. Там оно, — указывал поэт, — признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суеверные преграды просвещению».⁵

Буржуазно-дворянское литературоведение не раз пыталось представить Пушкина «западником», а его деятельность как борьбу за «европеиза-

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 58.

² Там же, стр. 196.

³ Там же, стр. 61.

⁴ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 597. Подлинник по-французски, перевод стр. 867.

⁵ А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века. Соч., т. VIII, стр. 126.

цию» русской жизни. Это была одна из попыток фальсифицировать взгляды Пушкина, оторвать великого русского поэта от национальной народной почвы, взрастившей его гений. Исторический путь развития России, ее культуры Пушкин считал общеевропейским в том смысле, что и в России должен был быть уничтожен феодально-крепостнический строй, однако поэт не раз указывал на своеобразии русского исторического процесса. Полемизируя с Н. Полевым, пытавшимся «приноровить систему новейших историков» и к России, Пушкин пишет, что «история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада».¹

В истории России Пушкин находил не одно доказательство того, что русскому народу определена была высокая историческая миссия: «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и вздыхающей Россией...»²

«Высокий жребий» русского народа Пушкин видел и в разгроме Россией Наполеона, а войну 1812 г. называл «величайшим событием новейшей истории».³ В существовании в историческом прошлом России таких деятелей; как Минин, Петр I, Ломоносов, Суворов, Кутузов, Пушкин усматривал проявление могучих сил нации. Силу и стойкость русского народа, как черты национального характера, Пушкин видел и в том, что ни татарское иго, ни войны литовские не уничтожили самобытности русской культуры и русского языка, который тогда «один оставался неприкосновенной собственностью несчастного нашего отечества». «Какое действие имеет на поработанный народ сохранение его языка?»⁴ — спрашивает Пушкин. Он не дал ответа на этот свой вопрос, но нельзя сомневаться в том, что Пушкин, который считал, что русский язык «имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими»,⁵ ответил бы на этот вопрос примерно так, как впоследствии Тургенев в своем знаменитом стихотворении в прозе «Русский язык».

Таким образом, современность обратила мысль Пушкина к истории. Историческое прошлое поэт понимал как предисторию своей современности. Проблема отношения к Западной Европе и ее культуре, взаимоотношения дворянства и крестьянства, роль и значение дворянской интеллигенции, роль царской монархии — все эти вопросы были весьма важны для понимания исторического прошлого России. Но они были и наиболее

¹ А. С. Пушкин. История русского народа, сочинение Николая Полевого. Соч., т. VII, стр. 145, 147.

² А. С. Пушкин. О ничтожестве литературы русской, Соч., т. VII, стр. 306.

³ А. С. Пушкин. Объяснение. Соч., т. VII, стр. 485.

⁴ А. С. Пушкин. О предисловии г-на Лемонте..., Соч. т. VII, стр. 28.

⁵ Там же, стр. 27.

острыми вопросами русской жизни 30-х годов XIX в. Для Пушкина история закономерно переходила в современность, и сам поэт никогда не стал бы отрицать теснейшей связи политической жизни своего времени с теми проблемами, которые должна была разрешать историческая наука. Недавно восхищался он теми томами истории Карамзина, которые повествовали об Иване Грозном, не потому, что находил правильной точку зрения Карамзина на значение деятельности Ивана Грозного, а потому, что это было, по словам поэта, ненавидевшего деспотизм, «также животрепещуще, как вчерашняя газета». Такими же животрепещущими темами были в творчестве и размышлениях Пушкина темы, связанные с именами Петра, Пугачева, с эпохой 1812 г. Размышляя над историей и современностью, Пушкин стремился заглянуть и в будущее. «Ум человеческий... — заметил поэт, — видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем...»¹

Какой же философией истории был вооружен Пушкин для того, чтобы видеть «общий ход вещей» и «выводить из одного глубокие предположения» о грядущих судьбах своей родины?

Пушкину было в высшей степени присуще понимание непрерывности и закономерности развития жизни. С необыкновенной силой и глубиной раскрыты им в стихотворении «К вельможе» движение и смена больших исторических эпох. В статье «Александр Радищев», характеризуя смену идей, подготовлявших французскую революцию конца XVIII столетия, новыми мыслями и идеями, Пушкин пишет: «Другие мысли... заменили мысли и мечты учеников Дидро и Руссо, и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменятся другими».²

Конечно, Пушкин не был релятивистом и подчеркивал здесь лишь непрерывность процесса познания жизни. Вечное ее движение и изменчивость — таков всеобщий закон жизни, выраженный Пушкиным и в чудесных, так высоко оцененных Белинским строках «Евгения Онегина» о смене поколений, и в стихотворении «Вновь я посетил» и о Лицейской годовщине 1836 г. и во многих других произведениях. Однако было бы совершенно неправильно сводить эту идею Пушкина к плоскому эволюционизму в понимании исторического процесса, столь свойственному, например, современной ему легитимистской школе французских историков. Для исторической мысли легитимистов с их ненавистью к революции, история это — тихий, незаметный, естественный «органический» рост; всемирно-исторические перевороты трактуются как зло.

Пушкин, напротив, всегда был полон интереса к тем периодам в истории, когда решались судьбы народные, его привлекали эпохи переворотов и

¹ А. С. Пушкин. Второй том «Истории русского народа» Полевого. Соч., т. VII, стр. 147.

² А. С. Пушкин. Александр Радищев. Соч., т. VII, стр. 352.

потрясений. В историческом прошлом России его интересует рубеж XVI и XVII столетий, который он характеризует как «одну из самых драматических эпох новейшей истории».¹ И это понятно. Пушкин был передовым современником эпохи, которая сама характеризовалась большими потрясениями и политическими переворотами. Ее противоречия и породили философско-историческую концепцию Пушкина.

Историческому мышлению Пушкина были, несомненно, свойственны элементы диалектики, и этот важный вопрос во всяком случае должен быть поставлен в пушкиноведении. Не раз Пушкин размышляет о «вечных противуречиях сущности»,² которые характеризуют развитие жизни. В одной заметке Пушкин спрашивает: «Устойчивость — первое условие общественного благополучия. Как согласуется она со способностью к бесконечному совершенствованию?» Пушкина поражала «времен превратность». В стихотворении «Андрей Шенье», а затем и в послании декабристам в Сибирь Пушкин выражает глубоко верную диалектическую мысль о том, что завоеванная народом свобода может потерпеть поражение, но оно будет временным: победа свободы неизбежна.

Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им...
Так — он найдет тебя...³

Пушкин внес в русскую литературу, и следует добавить — не только в русскую, но и первым — в мировую литературу, — изображение личности, как порождение определенной исторически развивающейся общественной среды. Это было величайшим завоеванием русского социального реализма. Пушкин применил этот плодотворный принцип и к изображению исторического прошлого. Достаточно указать на такие образы, как отец и сын Гриневы; личность старика Гринева раскрывается Пушкиным как порождение событий 60-х годов XVIII в., в частности, переворота 1762 г. Характер сына Гринева формируется в зависимости от среды и событий, участником которых он стал. Стойкий и мужественный характер Маши Мироновой воспитан в честной патриархальной семье, не владевшей «крещеной собственностью».

Но как понимал Пушкин среду, какие факторы действительности он считал определяющими в развитии жизни, в ходе истории? Пушкин чрезвычайно большое внимание уделяет воспитанию своих героев, нравам и быту данного времени, роли идей и просвещения, обычаям и предрассудкам. В заметке о народности в литературе поэт подчеркивает, что «особенную физиономию» каждому народу придают «образымыслей и чувствований», обычаи, поверья, привычки, присущие этому народу, «образ правления,

¹ А. С. Пушкин. Наброски предисловия к «Борису Годунову», III. Соч., т. VII, стр. 164.

² А. С. Пушкин. О стихотворении «Демон». Соч., т. VII, стр. 37.

³ А. С. Пушкин. Андрей Шенье. Соч., т. II, стр. 258.

вера».¹ Нетрудно видеть, что в решении этого вопроса Пушкин считал основными факторами развития истории народа культуру, нравы, развитие идей, законодательство. Эти идеи были свойственны и таким предшественникам Пушкина в истории русской общественной мысли, как Фонвизин, отчасти Радищев, придававшие чрезвычайно большое значение вопросам воспитания, просвещения и состоянию нравов и умов.

Маркс в третьем тезисе о Фейербахе называет материалистическим учение о том, что люди есть продукт обстоятельств и воспитания и что, следовательно, изменившиеся люди — это продукты новых обстоятельств и изменившегося воспитания.² В мировоззрении Пушкина эта материалистическая идея сочетается с национально-историческим принципом, с принципом своеобразия и закономерности исторической жизни народа, что решительно отделяло его как от просветительской мысли XVIII в., так и от романтической философии истории.

Во второй период идейной эволюции Пушкина национально-исторический принцип сочетается в его мировоззрении с мыслью о сословных, а затем классовых антагонизмах. Пушкин усваивает социологическую точку зрения. В своих многочисленных заметках по русской истории Пушкин стремится к определению позиций каждого сословия в ходе исторического развития России. Постепенная дифференциация понятия нации переходит у Пушкина в признание наличия социальных антагонизмов, классовой борьбы в обществе. Как известно, теорию классовой борьбы Маркс находил у французских буржуазных историков времен Реставрации — Гизо, Тьерри и других. Пушкин был хорошо знаком с их трудами. Однако французские буржуазные историки 30-х годов XIX в. с точки зрения классовой борьбы рассматривали только прошлое, период борьбы с феодальным строем. Они забывали об этом принципе, когда дело касалось их современности — капиталистического порядка, казавшегося им вечным и неизблемым. Признавая, в отличие от историков-легитимистов, французскую революцию конца XVIII в. всемирно-историческим событием, они руководствовались мыслью, что это была последняя революция, и, подобно легитимистам, утверждали, что дальше история будет совершаться путем «органического» роста. Это было отражением того важнейшего обстоятельства, что буржуазная революционность в ту пору с каждым годом слабела.

Пушкин был выразителем другой исторической действительности. В России только начиналось революционное движение, и Пушкин был певцом свободы. Восприняв идею социальных, классовых противоречий, он применял эту идею не только к историческому прошлому, но и к действительности своей эпохи. «Дубровский», «История села Горюхина», «Пиковая дама» — очевидные тому доказательства. Пушкин пошел дальше фран-

¹ А. С. Пушкин. О народности в литературе. Соч., т. VII, стр. 39—40.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 590.

цузских буржуазных историков и в том, что обратился к рассмотрению крестьянских движений как проявлению социального антагонизма. Это было приближением к той последовательно демократической точке зрения на исторический процесс, принятой Радищевым, которая потом будет развита революционными демократами и явится крупнейшим завоеванием русской общественной мысли.

Пушкин отверг необходимость и неизбежность крестьянско-революционного разрешения противоречий русской жизни и в этом отношении не смог подняться над дворянско-просветительской точкой зрения. Но от буржуазных историков Запада его отличало и резко критическое отношение к той буржуазной демократии, апологетами которой являлись Гизо и другие.

Идея закономерности исторического процесса отнюдь не приводила Пушкина к фатализму. Восторженный поклонник Петра I, современник наполеоновской эпопеи, Пушкин чрезвычайно большую роль и значение придавал исторической личности, активному вмешательству политики в исторический процесс. В начале 20-х годов Пушкин был даже склонен рассматривать роль личности несколько идеализированно, в духе романтического субъективизма. В его исторических заметках 1822 г. Петр I выступает как могучая индивидуальность, определившая дальнейший ход русской истории. «Петр I... доверял своему могуществу и презирал человечество»,¹ — писал Пушкин. Но в 1830-е годы распространение в России просвещения Пушкин рассматривает как длительный постепенный процесс, уходящий своими корнями в допетровскую Русь.

Существенное изменение в этом плане получила и трактовка Пушкиным личности Наполеона. Ода «Наполеон» (1821 г.) противоречиво сочетает в себе и попытки исторического истолкования роли Наполеона и романтическую идеализацию его личности как «вершителя судеб». Однако в дальнейшем Пушкин воспринимает личность Наполеона и его деятельность как закономерное и подготовленное событие исторической жизни Франции.

В середине 20-х годов Пушкин решительно рвет с субъективизмом романтиков. В известной заметке о «Графе Нулине» Пушкин высмеивает романтическую теорию роли исторической личности. В драме «Борис Годунов» Пушкин показывает, как, несмотря на всю свою талантливость и силу, Борис Годунов не в состоянии был противодействовать объективным обстоятельствам, определившим его падение, и прежде всего «мнению народному».

Пушкин считал, что в истории народ является фактором огромной силы, но это вовсе не означало, что исторические деятели, герои теряли для него всякое значение. Заметка Пушкина о Вальтер-Скотте, в которой поэт восхищается изображением истории не со стороны ее «фасада», а в проявлениях ее повседневной «домашней» жизни, не всегда правильно трактуется. Замечания Пушкина вовсе не означали, что он не придает

¹ А. С. Пушкин. Заметки по русской истории XVIII века. Соч., т. VIII, стр. 122.

значения деятельности монархов и полководцев. В «Борисе Годунове» народ рисуется как окончательный судья совершившихся событий, однако на видном плане в трагедии — царь, бояре, полководцы и пр. В изображении исторической действительности Пушкин был далек от будущей ошибки Писарева, который восхищался историческими романами Эркмана-Шатриана за то, что в них фигурирует только народ и нет никаких исторических деятелей.

Свое понимание связей личности и среды, личности и истории Пушкин применял и в области своих эстетических требований, и в художественном отображении исторического прошлого. Он считал, что, воссоздавая образ исторического деятеля, поэт должен развить и объяснить его индивидуальный характер, показать его как выразителя своего времени, определить его историческую роль, раскрыть его образ в аспекте тех или других черт национального характера.

Возможно ли при обрисовке характера данной исторической личности «своевольное искажение» вполне индивидуальных, но отмеченных историей его черт? Пушкин, как впоследствии и Белинский, не считал этого возможным. Он поставил себе в вину то обстоятельство, что в «Борисе Годунове» вопреки истине изобразил глупцом патриарха Иова, на что ему указал Грибоедов. В письме к Лажечникову Пушкин решительно выступает в защиту Тредиаковского, который в смешном и оскорбительном виде изображен в «Ледяном доме». Искажение индивидуального облика исторического лица неизбежно влечет за собой преувеличение или преуменьшение исторической его роли и значения. В том же «Ледяном доме» Волынский обрисован как носитель всех добродетелей. По мнению Пушкина, Лажечников своей идеализацией Волынского исказил историю. В письме к Дмитриеву он отстаивал свой образ Емельяна Пугачева, которого некоторые критики поэта желали видеть «Байроновым Ларою».¹ Индивидуальные особенности исторической личности должны быть воспроизведены в соответствии с историей. Однако, не допуская романтического своевольства, Пушкин считал возможным дополнять историю изображением таких деталей и фактов в жизни и поведении исторической личности, какие, являясь поэтическим вымыслом, вполне соответствовали данному характеру и времени. Такого рода «вольностей» много в «Борисе Годунове».

Но чем же определяется роль личности? Чем же она, эта личность должна руководствоваться в своих действиях? «Духом времени», — отвечает Пушкин. Напоминаю о его полемике с Лажечниковым по поводу Бирона, чья деятельность была в глазах Пушкина отражением эпохи, его оценку Ивана III при разборе трагедии Погодина «Марфа Посадница».

Отсутствие объективистского отношения Пушкина к действительности вовсе не означало отказа поэта от принципа объективности в понимании и изображении жизни.

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 528.

Требование строгой объективности было одним из важнейших в оценке Пушкиным произведений на историческую тему. В статье о народной драме и драме «Марфа Посадница» Пушкин выдвигал эти требования, характеризуя их как «первоначальные необходимые условия»¹ подлинно художественного воссоздания истории. За нарушение принципа объективности поэт резко критиковал французскую романтическую школу. «Благодаря французам, — писал он, — мы не понимаем, как драматический автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображаемый. Француз пишет свою трагедию с Constitutionnel или Quotidienne перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге».²

Прежде всего художник должен быть беспристрастным. «Истинное просвещение беспристрастно»,³ — говорил Пушкин.

Но объективность художника вовсе не тождественна равнодушию, беспристрастие — безразличию. Пушкин это прекрасно понимал. Оуждая политические «применения», поэт допускал политические «намекы». Больше того: Пушкин считал, что сочувствие поэта той исторической личности, которую он изображает, помогает ему дать более яркий и живой образ. Указывая в письме к Погодину на недостатки его изображения Ивана III, Пушкин пишет: «Сердце Ваше не лежит к Иоанну».⁴

Киреевский писал о Пушкине, что он «слишком объективен».⁵ Мицкевич, напротив, весьма справедливо указывал, что поэт «презирал авторов, не имеющих никакой цели, никакого направления. Он не любил философского скептицизма и художественной бесстрастности Гете».

И это правильно было не только в отношении Пушкина-поэта, но и Пушкина-историка. Можно напомнить «Стансы», обращенные к Николаю I, и весь образ и трактовку Пушкиным Петра, противоречивого характера его личности и деятельности. Можно напомнить оценку, данную поэтом Робеспьеру и Мирабо, их роли в истории французской революции.

В понимании Пушкина личность исторического деятеля должна быть не воплощением авторской идеи, как у романтиков, не «политикой, опрокинутой в прошлое», а образом, раскрывающим существенные стороны исторической действительности данной эпохи. Пушкин, высоко ценивший революционно-патриотическое отношение декабристов к русской истории, не мог одобрить их модернизацию облика русских исторических деятелей. Известна та критика, которой подверг в этом плане Пушкин «Думы»

¹ А. С. Пушкин. Соч., т. VII, стр. 218.

² Там же. Письмо к издателю «Московского вестника», стр. 75.

³ Там же. О предисловии г-на Лемонте ..., т. VII, стр. 30.

⁴ А. С. Пушкин. Соч., т. X. Письма, стр. 321.

⁵ И. В. Киреевский. О поэзии Пушкина. Полн. собр. соч., т. II, М., 1911, стр. 13.

Рылеева. Пушкинское решение этой проблемы было в условиях начала 1820-х годов огромным шагом вперед в развитии русской литературы.

Романтическая философия истории полагала, что в основе исторического процесса лежит воля провидения. Некоторые русские романтики-идеалисты, как, например, В. Ф. Одоевский, весьма иронически критиковали тогда стремление «выдумывать законы».

Пушкину были совершенно чужды какие бы то ни было элементы мистики. Пушкин был скорее склонен приподнять роль личности, чем ссылаться на провидение. Великие перемены в жизни Пушкин объяснял, главным образом, разумным законодательством, деятельностью государственной власти. Это не являлось решением проблемы, но сила мысли Пушкина для того времени заключалась в том, что он, не понимая классового характера государственного законодательства и продолжая размышлять в этом вопросе в традициях просветительства, не дал увлечь себя ни теорией стихийности народной жизни, ни романтической теории героя. Понятие народности вовсе не совпадало у Пушкина с романтической идеализацией стихии народной жизни. Пушкин высоко ценил роль законодателя, однако отличие его взгляда от взглядов просветителей XVIII в. состояло в утверждении того, что законы должны соответствовать нравам, обычаям, истории народа. Пушкин всегда боролся за наилучшее управление жизнью нации и считал, что общественный идеал не должен быть абстрактным, а должен соответствовать духу времени. «Дух времени является источником нужд и требований государственных», — писал он.

Идея необходимости — чрезвычайно важный элемент пушкинской философии истории. Она ясно выражена уже в «Борисе Годунове», где Пушкин в драме Бориса поставил проблему свободы и необходимости. Утверждая значение необходимости, легко было бы тогда скатиться к апологии действительности. Как известно, на Западе это случилось с Гегелем, а в России это произошло в 40-х годах со славянофилами. Но Пушкину, повторяем, никогда не был свойственен объективизм. Это обстоятельство чрезвычайно ярко раскрывается во всей деятельности Пушкина после катастрофы 14 декабря. Известно, что неудачу восстания декабристов Пушкин был склонен объяснить исторической необходимостью и даже готов был «в душе простить оной», но это вовсе не означало, что Пушкин подчинился ей и отказался от политической борьбы с самодержавием и крепостным строем, поскольку и после 14 декабря поэт остался верен идеям своих друзей-декабристов. Если поражение декабристов было исторически обусловлено, то победа их дела в будущем была для Пушкина в еще большей степени исторической необходимостью. В этом убеждали его не только антикрепостнические настроения народа, но и ход русской и мировой истории.

Некоторые исследователи ошибочно изображают декабристов как деятелей, революционные позиции и нравственные принципы которых вытекали не из исторической обстановки, ими осознанной, а из чисто субъек-

тивно-романтических стремлений и абстрактно понятого идеала свободы. Однако декабристы опирались в своих действиях на правильно в основном понятое ими направление исторического процесса. Рылееву, например, принадлежат глубокие размышления о ходе европейской истории, о том, что со времен реформации народы стали стремиться к свободе, завоевание которой и составляет, по мнению Рылеева, задачу XIX в., его «предназначение», как писал поэт-декабрист в своем стихотворении «Гражданин».¹

Если представление декабристов о древнем Новгороде в самом деле страдало романтической отвлеченностью, то их убеждение в том, что Россия жаждет свободы от тирании и крепостной неволи, отражало реальные, вполне осознанные ими потребности русской действительности той эпохи. Это прекрасно понимал и Пушкин.

После катастрофы 14 декабря Пушкин учел опыт поражения национально-освободительного движения в России и на Западе и стал искать объяснения не только причин неудачи восстания декабристов, но и те силы, которые способны были бы в дальнейшем осуществить «великие перемены».² Если бы Пушкин остановился только на раскрытии тех исторических причин, которые повлекли за собой неудачу декабристов, то он легко мог бы притти к примирению с действительностью и стать созерцателем жизни, бесстрастно познающим и отображающим ее. В том-то и состоит величие Пушкина и могучая сила его мировоззрения, что он никогда не был и не мог стать апологетом действительности. В его мировоззрении, а стало быть и в творчестве всегда жили активное начало, неутомимое стремление к пересозданию действительности, неизменный интерес к политике. И после 14 декабря Пушкин мечтал об уничтожении крепостнического строя. И он напряженно искал путей и общественных сил для осуществления этой задачи. Пушкин, как это показывают его размышления в конце 1820-х — начале 1830-х годов над историей дворянства в России, задумался над возможностью воспитания такого поколения, которое, подобно декабристам, смогло бы стать силой общественного прогресса.

В последние годы жизни Пушкин подходил к выводу о тщетности своих упований и надежд на возможность воспитания такого поколения в среде дворянства. И неуклонно сквозь все эти временные иллюзии Пушкин шел ко все более глубокому пониманию того, что решающей силой исторического прогресса являются народные массы. Еще в «Борисе Годунове» поэт указывает на большую роль в исторических событиях мнения народного. Огромную силу народного движения Пушкин подчеркнет в «Рославлеве», указав на то, что война 1812 г. была победой прежде всего народного патриотизма. Но и в «Борисе Годунове» и в «Рославлеве» народ выступает еще как некая общность, не расчлененная, социально не дифференцированная стихия, более пассивная в «Борисе Годунове» и активная в «Рославлеве».

¹ К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Биб-ка поэта (малая серия) Л., Сов. писатель, 1938, стр. 66.

² А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург. Соч., т. VII, стр. 291.

В 30-е годы Пушкин более углубленно раскрывает для себя понятие народа. Сильно помогло ему в этом изучение истории восстания Пугачева. В «Капитанской дочке» Пушкин показывает народ в различных проявлениях его общественного самосознания — от Савельича, почувствовавшего в своей обиде на господ, что он не раб, а человек, до Пугачева, как высшего выражения стихийного народного сознания, ненависти народа к угнетателям. Однако Пушкин не дошел до конца. Как дворянский просветитель, он воспринял народ как грозную и могучую, но главным образом разрушительную силу. Народу нехватало просвещения. Пушкин утверждает в мысли, что могучим фактором прогрессивного подъема нации является развитие просвещения, неминуемым следствием которого будет политическая свобода, т. е. освобождение крестьян. Исторический пример этого Пушкин мог видеть во Франции конца XVIII в., где в подготовке революции политическое просвещение третьего сословия сыграло огромную роль. Ход русской истории убеждал Пушкина, что Россия уже идет по пути просвещения, особенно благодаря реформам Петра I.

Проповедь «чувств добрых» к народу, пропаганда просвещения, как средства достижения политической свободы и были проявлением активной политической деятельности и мысли Пушкина после 14 декабря. Соединение идеи просвещения с идеалом политической свободы для всего народа глубочайшим образом отличало дворянского революционного просветителя Пушкина от его друзей типа просвещенного дворянского либерала Вяземского и было одной из причин ненависти и недоверия к Пушкину со стороны Николая I и его приспешников.

Впоследствии идея просвещения была опошлена либералами, придавшими ей узко культурнический, убудочный смысл. В мировоззрении Пушкина эта идея была сильной стороной. Пушкин не видел в конце своей жизни вокруг себя никакой общественной силы, которая была бы способна осуществить «мирную» революцию, но был глубоко уверен в том, что без развития просвещения идея политической свободы вообще не может быть осуществима для народа.

Пушкин во многом надеялся на литературу, на дружину писателей, которые «всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности».¹ Но таких писателей была незначительная кучка, а время разночинцев, время Белинского и его кружка, сыгравшего огромную роль в политическом просвещении общества, тогда еще не настало. И это было одним из источников трагедии Пушкина.

¹ А. С. Пушкин. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений. Соч., т. VII, стр. 198.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.С. ПУШКИН

1799 ~ 1949

МАТЕРИАЛЫ
ЮБИЛЕЙНЫХ
ТОРЖЕСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград

1951
